

Полина
Дашкова

Представляем
романы Полины Дашковой

Вечная ночь

Горлов тупик

Золотой песок

Источник счастья.

Книга первая.

Источник счастья.

Книга вторая. Misterium Tremendum.

Тайна, приводящая в трепет

Источник счастья.

Книга третья. Небо над бездной

Кровь нерожденных

Легкие шаги безумия

Место под солнцем

Никто не заплачет

Образ врага

Пакт

Питомник

Приз

Соотношение сил

Точка невозврата

Херувим

Чеченская марионетка, или Продажные твари

Чувство реальности

Эфирное время

Полина
Дашкова

Легкие шаги будущего

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д21

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление серии — *Андрей Фerez*

Дашкова, Полина Викторовна.

Д21 Легкие шаги безумия : [роман] / Полина Дашкова. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Полина Дашкова — лучшая
среди лучших).

ISBN 978-5-17-121962-8

Маньяк-убийца задержан, осужден и казнен. Но почему прошлое снова вер-
нулось чередой необъяснимых смертей? Что же произошло тогда: торжество
правосудия или роковая судебная ошибка? Судьбы людей вновь переплелись в
кровавом клубке событий.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121962-8

© Дашкова П.В., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ГЛАВА 1

Москва, март 1996 года

Лена Полянская волокла коляску по глубокой мартовской слякоти и чувствовала себя волжским бурлаком. Колеса утопали в комкастом талом снегу, тротуар узкого переулка был покрыт высокими затвердевшими сугробами, а по мостовой неслись машины, обдавая прохожих густой коричневой грязью.

Двухлетняя Лиза то и дело пыталась встать на сиденье коляски, ей хотелось идти ножками, она считала, что уже большая для коляски, к тому же вокруг было много интересного: воробьи и вороны шумно дрались из-за мокрой хлебной корки, лохматый рыжий щенок гонялся за собственным хвостом, большой мальчик шел навстречу и грыз огромное ярко-красное яблоко.

— Мама, Лизе тоже надо яблоко, — важно сообщила девочка, вставая на ноги в очередной раз.

На ручке коляски висела большая сумка с продуктами, и стоило Лене приподнять Лизу, чтобы как следует усадить на место, коляска тут же потеряла равновесие и опрокинулась.

— Все упало, — со вздохом констатировала Лиза, глядя с маминых рук, как сыплется в грязь продукты из порванной сумки.

— Да, Лизонька, все упало. Сейчас будем собирать. — Лена осторожно поставила дочь на тротуар, стала поднимать из слякоти и отряхивать перчаткой пакеты с продуктами и тут заметила, что из окна припаркованного на другой стороне переулка темно-синего «Вольво» за ней кто-то внимательно наблюдает. Стекла машины были затемненными, в них отчетливо отражались сугробы и прохожие, и Лена не видела, кто именно за ней наблюдает, но взгляд чувствовала.

— Конечно, забавное зрелище, — усмехнулась она, кое-как привязывая сумку к ручке коляски, усаживая Лизу и отряхивая испачканные кожаные перчатки.

Сворачивая во двор, она опять увидела темно-синий «Вольво». Он проехал совсем близко на минимальной скорости, словно сидевшие

в нем люди хотели зафиксировать, в какой именно подъезд вошла молодая мама с коляской.

Людей этих было двое — женщина за рулем и мужчина рядом, на переднем сиденье. Лена их, конечно, не видела, зато они ее видели отлично.

— Ты уверен? — тихо спросила женщина, когда за Леной закрылась дверь подъезда.

— Абсолютно, — кивнул мужчина, — она почти не изменилась за эти годы.

— Ей сейчас должно быть тридцать шесть, — заметила женщина, — а этой молодой мамаше не больше двадцати пяти. И ребенок такой маленький... Ты не перепутал? Все-таки столько лет прошло.

— Нет, — твердо ответил мужчина, — я не перепутал.

В пустой квартире заливался телефон.

— Ты можешь сейчас со мной поговорить? — Лена с трудом узнала голос своей близкой подруги, бывшей сокурсницы Ольги Сеницыной — голос в трубке был каким-то чужим, хрипловатым и очень тихим.

— Здравствуй, Олюша, что случилось? — Лена прижала трубку ухом к плечу и стала развязывать ленточки на Лизиней шапке.

— Митя умер, — проговорила Ольга совсем тихо.

Лене показалось, что она ослышалась.

— Прости, что ты сказала? — переспросила она, стягивая с Лизиних ног сапоги.

— Мама, Лизе надо а-а! — торжественно сообщила дочь.

— Олюша, ты дома сейчас? Я перезвоню тебе через пятнадцать минут. Я только что вошла, раздену Лизу, посажу на горшок и сразу перезвоню.

— Можно, я к тебе приеду прямо сейчас? — быстро спросила Ольга.

— Разумеется, можно!

Ольга и Лена были ровесницами — обеим по тридцать шесть. Митя Сеницын, родной брат Ольги, был младше на два года. Отчего мог внезапно умереть совершенно здоровый, полный сил и планов на будущее тридцатичетырехлетний человек, не пьющий, не употребляющий наркотики, не связанный с криминальным миром?

До прихода Ольги Лена успела накормить обедом и уложить спать Лизу, вымыть посуду, сварить щи и запустить стиральную машину. Се-

годня она планировала перевести хотя бы пять страниц из огромной статьи новомодного американского психолога Дэвида Кроуэла «Жестокость жертвы», опубликованной в журнале «Нью-Йоркер» и посвященной новейшим исследованиям в психологии серийных убийц.

Несмотря на то что Лизе едва исполнилось два года, Лена работала очень много, продолжала заведовать отделом литературы и искусства все в том же журнале «Смарт». Главный редактор пошел ей навстречу, разрешил оставить только два присутственных дня в неделю. Львиную долю работы она просто брала домой и сидела за компьютером ночами. А в свои два присутственных дня оставляла ребенка на одинокую старушку соседку — ни у самой Лены, ни у ее мужа, Сергея Кротова, не было родителей. Лиза росла без бабушек и дедушек, а для интеллигентной пенсионерки Веры Федоровны провести день со спокойным, ласковым ребенком было только в радость. Да и деньги, которые ей за это платили Лена и Сергей, оказались нелишними при ее мизерной пенсии.

— И в ясли Лизоньку не вздумайте отдавать! — говорила Вера Федоровна. — Пока я на ногах, пока голова варит, буду с ней сидеть столько, сколько нужно.

Вера Федоровна из квартиры напротив была для Лены настоящей палочкой-выручалочкой. Дело не только в том, что зарплаты Сергея, полковника МВД, заместителя начальника криминального отдела в Управлении внутренней контрразведки, едва хватило бы на жизнь. Главное, сама Лена не могла существовать без работы. Она понимала — стоит немного расслабиться, и на ее место тут же возьмут другого человека.

Время у Лены было расписано по минутам, выматывалась она страшно, спала не больше пяти часов в сутки. Сейчас от драгоценных двух часов Лизиного дневного сна остался всего час, то есть полноценные две страницы перевода. Но сестра за компьютер Лена даже не пыталась.

После Ольгиного звонка она могла думать только о Мите, представляла, что сейчас творится с родителями, с восьмидесятилетней бабушкой Зинаидой Лукиничной, которая, несмотря на свой солидный возраст, сохранила светлый ум и острое восприятие жизни... и смерти, разумеется, тоже.

Что же могло случиться с Митей? Несчастный случай? Машина сбила на улице? Кирпич на голову упал? Но кирпич, как известно, ни с того ни с сего на голову никому не падает.

Лена включила электрический чайник, насыпала кофейных зерен в кофемолку, и тут раздался звонок в дверь.

Ольга стояла на пороге в каком-то черном платке, вероятно бабушкином. Из-под платка беспорядочно выбивались лохматые ярко-золотистые пряди. С первого взгляда было заметно, что она не причесывалась, не умывалась, напялила на себя что под руку попало. Известие о Митиной смерти застало ее врасплох. Значит, несчастный случай?

— Он повесился, — тусклым голосом произнесла Ольга, снимая пальто, — он повесился сегодня ночью, у себя в квартире. Привязал брючный ремень к газовой трубе, которая проходит над кухонной дверью.

— А где в это время находилась его жена? — быстро спросила Лена.

— Спала. Спокойно спала в соседней комнате и ничего не слышала.

— Кто первый обнаружил? — Лена хотела сказать «труп», но запнулась — трудно было произнести это слово по отношению к Мите, который совсем недавно забегал к ней в гости, сидел вот здесь, на кухонном диване, весь искрился энергией, здоровьем и радужными планами на будущее.

— Жена обнаружила. Проснулась, вышла на кухню и увидела.

Лена вдруг обратила внимание, что в последнее время Ольга перестала называть жену своего брата по имени. А раньше величала Катюшей, Катенькой.

— И что было дальше? Ты хоть чаю глотни горячего. А хочешь, я тебе щей налью? Только что сварила.

— Нет, — Ольга отрицательно замотала головой, — нет, не могу я ничего есть. И пить не могу. Окошко приоткрой, покурим, пока Лизавета спит. Как было на самом деле, никто не видел, — Ольга нервно передернула плечами и глубоко затанулась, — все известно только с ее слов, а она ничего не помнит. Так вот, она сама вытащила Митю из петли...

— Подожди, — перебила Лена, — но ведь у Мити рост сто девяносто, и весит он порядочно, не худенький. А Катя, насколько я помню, девочка-дюймовочка, она его в два раза легче и ниже на три головы.

— Да, она говорит, это было очень трудно. Но она не могла оставить его так, надеялась, вдруг еще жив... Нет, ты не думай, я сейчас нормально соображаю. Я понимаю, в жизни бывает всякое, но вот

так, ни с того ни с сего, даже записки никакой... А главное, Митя всегда считал, что самоубийство — страшный грех, искренне считал. Это, конечно, для милиции не довод, но Митюша крещеный, православный, к исповеди ходил, причащался. Редко, правда, но все-таки... А теперь я даже заочно отпеть его не могу, самоубийц не отпевают. Любой грех можно замолить — только не этот.

У Ольги были темные круги под глазами, рука с потухшей сигаретой мелко дрожала.

— Он забегал ко мне около месяца назад, — тихо сказала Лена, — у него было столько планов, рассказывал, что написал пять новых песен, вышел на какого-то известного продюсера, теперь, мол, у него пойдет один клип за другим... Я не очень хорошо помню, о чем мы говорили, но у меня осталось ощущение, что все у Мити отлично. Он был немного возбужден, но радостно возбужден. Может, рухнули какие-нибудь его надежды, связанные с этим продюсером?

— Эти надежды рождались и рушились у него по десять раз в месяц, — грустно усмехнулась Ольга, — он привык, относился к этому вполне спокойно. И всякие продюсеры, мелкие и крупные, без конца мелькали в его жизни. Нет, если уж говорить о том, что его действительно волновало, так это собственное творчество, не в смысле популярности и денег, а в смысле пишется — не пишется. В последний месяц ему писалось как никогда, и это для него было главным.

— То есть ты не исключаяешь, что Митя не сам?.. — осторожно спросила Лена.

— Милиция уверяет, что сам. — Ольга закурила еще одну сигарету.

— Ты вообще ела сегодня что-нибудь? Ты дымишь, как паровоз, на голодный желудок. Хочешь, я кофе сварю?

— Свари, — равнодушно кивнула Ольга, — и если можно, я приму душ у тебя. Я ведь даже не умывалась сегодня и в морге успела побывать... Ты прости, что я с этим кошмаром к тебе заявила, но дома сейчас очень тяжело, мне надо немного опомниться, а потом уж родителей и бабушку приводить в чувство.

— Оставь эти расшаркивания для своих японцев. Пойдем, я дам тебе чистое полотенце.

— Лен, я не верю, что он сам, — тихо сказала Ольга, стоя на пороге ванной комнаты, — очень уж все это странно. Телефон у них весь день не работал. Я выяснила на станции — с линией там все в порядке. Что-то случилось с аппаратом, сосед сегодня утром починил

за минуту. А «Скорую» и милицию жена от соседей вызывала в пять утра. Эти соседи мне и позвонили. Я приехала, а Митю уже увезли. Видишь ли, его жена этой ночью находилась в состоянии... в общем, наркотиками накачалась. Мне сказали, Митя тоже. Сказали, чистый суицид на почве наркотического психоза. Ампулы и шприцы нашли в квартире, и на руке у него следы уколов... Так что милиция особо и не старалась, мол, наркоман был ваш братец, уважаемая Ольга Михайловна. И жена у него наркоманка. Все же ясно!

— Митя не был наркоманом, — медленно произнесла Лена, — он даже не пил. И Катя...

— Она колосась уже полтора года. А Митя — нет. Никогда.

— Ты видела его в морге?

— Нет. Я не смогла, испугалась, что не выдержу, хлопнусь в обморок, чего доброго. Он был уже в холодильнике. Там очередь на вскрытие, сказали, трупов очень много. Если я напишу заявление в прокуратуру, он так и будет там лежать — ждать своей очереди.

— И что ты решила?

— Не знаю. Но если он там будет лежать, в холодильнике, у мамы с папой и у бабушки по инфаркту на брата случится. А от заявления, как мне успели объяснить, толку будет мало. Дадут это дело какой-нибудь девочке, которая московскую прописку отрабатывает в райпрокуратуре, у них ведь следователей не хватает. А она и копать ничего не станет, ясно ведь, суицид. Сейчас столько нераскрытых убийств висит годами, а тут — какой-то наркоман...

Ольга безнадежно махнула рукой и закрыла дверь ванной.

Пока она принимала душ и приводила себя в порядок, Лена стояла у окна с гудящей электрической кофемолкой в руках и думала о Мите Синицыне. О чем они говорили тогда? Он ведь просидел здесь часа два. Рассказывал, что написал пять новых песен, кажется, даже кассету оставил. Надо будет найти, послушать. Лена так и не удосужилась до сих пор...

Да, появился на его горизонте какой-то очередной суперпродюсер... Но фамилии Митя не назвал, сказал: «Жутко известный, ты не поверишь! И вообще, я боюсь взглянуть!»

Потом он пообедал с аппетитом и о чем-то еще они долго говорили. Кажется, просто вспоминали что-то из юности, из студенческих лет.

Сам Митя закончил Институт культуры, учился на режиссера на-

родных театров. Странная специальность, особенно в наше время. Впрочем, он никогда по специальности не работал, писал свои песни, пел их в узком кругу, в конце восьмидесятых даже какие-то концерты у него проходили по клубам, и вечно велись переговоры о пластинке, потом о компакт-диске, о клипе на телевидении.

Никогда эти переговоры ничем не кончались, но Митя не унывал. Он верил, что песни у него талантливые, просто не «попсовые». Но ведь спрос есть не только на «попсу». Митя не собирался лезть в звезды, но хотел пробиться к своему слушателю, причем не через концерты в подземных переходах, а более уважаемым и достойным путем — через радио, телевидение. Но для этого надо было не только хорошо сочинять и исполнять песни, но еще и обрастать нужными знакомствами, связями, общаться с продюсерами, предлагать себя как выгодный товар. А этого Митя делать не умел.

Работал он в последнее время преподавателем игры на гитаре в детской театральной студии. Деньги были крошечные, зато дети его любили. Это было важно для Мити — своих детей они с Катей завести не могли. Но очень хотели.

Если предположить, что Митю все-таки убили таким изощренным способом, то сразу возникает вопрос: кому это понадобилось? Кому мог помешать человек, обучавший детей игре на классической гитаре и писавший песни?..

Надо обязательно найти и послушать кассету, только не сейчас, не при Ольге. Ей это может быть больно, она и так держится из последних сил, она очень любила своего младшего брата.

За окном сыпал мокрый снег. Глядя во двор, Лена машинально отметила, что Ольга не совсем удачно припарковала свой маленький серый «Фольксваген» — трудно будет выезжать, завязнет в сугробе. И так же машинально взгляд ее скользнул по темно-синему «Вольво», стоявшему в нескольких метрах от Ольгиной машины и уже слегка припорошенному снегом...

* * *

— Вот видишь, — тихо сказала женщина, сидевшая за рулем «Вольво», своему спутнику, — я не сомневалась, они продолжают общаться, и довольно тесно. Настолько тесно, что после случившегося она помчалась не куда-нибудь, а сюда.

— Мне страшно, — прошелестел мужчина пересохшими губами.

— Ничего, — женщина ласково погладила его по щеке короткими холеными пальцами, — ты у меня молодец. Ты успокоишься и поймешь, что это — последний рывок, последнее усилие. А потом — все. Я знаю, как тебе сейчас страшно. Страх идет из самой глубины, поднимается от живота к груди. Но ты не дашь ему подняться выше, ты непустишь его в голову, в подсознание. У тебя много раз получалось останавливать этот густой, горячий, невыносимый страх. Ты очень сильный сейчас и станешь еще сильнее, когда мы сделаем это усилие — тяжелое, необходимое, но последнее. Я с тобой, и мы справимся.

Короткие крепкие пальцы медленно и нежно скользили по гладко выбритой щеке. Длинные ногти были покрыты матово-алым лаком. На фоне очень бледной щеки этот цвет казался неприятно ярким. Продолжая говорить тихие, баюкающие слова, женщина думала о том, что надо не забыть сегодня вечером стереть этот лак и покрыть ногти чем-то более приглушенным и изысканным.

Мужчина закрыл глаза, ноздри его медленно и ритмично раздувались. Он дышал глубоко и спокойно. Когда женщина почувствовала, что мышцы его лица совсем расслабились, она завела мотор, и темно-синий «Вольво» не спеша покинул магистраль и затерялся в толпе разноцветных машин, несущихся под медленным мокрым снегом.

* * *

В университете, на журфаке, Ольга Синицына была лучшей подругой Лены Полянской, с первого по пятый курс. Потом на какое-то время они потеряли друг друга и встретились только через восемь лет после окончания университета, совершенно случайно, в самолете.

Лена летела в Нью-Йорк. Колумбийский университет пригласил ее прочитать курс лекций о современной русской литературе и журналистике. В отсеке для курящих к ней подседа элегантная, холеная бизнес-леди в строгом дорогом костюме.

Шел всего лишь 1990 год, такие деловые дамы в России были еще редкостью. Мельком взглянув на нее, Лена удивилась, почему богатая американка летит «Аэрофлотом», а не «Панамой» или «Дельтой». Но тут дама грустно покачала ярко-белокурой головой и произнесла по-русски:

— Ну ты даешь, Полянская! Я все жду, узнаешь или нет.

— Господи, Ольга! Олюша Синицына! — обрадовалась Лена.

Казалось невероятным, что преуспевающая деловая дама вылупилась из эфемерного, возвышенного создания в джинсах и свитере; из типичной интеллигентной московской девочки конца семидесятых, которая могла ночь напролет вести жаркие кухонные споры о судьбе и жертвенной миссии России, о превратностях экзистенциального сознания, могла выстаивать многочасовые очереди, но не в ГУМе за сапогами, а в подвальный выставочный зал на Малой Грузинской или за билетами в Консерваторию на концерт Рихтера.

Ольга Синицына, известная на весь факультет журналистики своей рассеянностью, непрактичностью, бестолковыми роковыми романами, и эта холодноватая надменная дама, сверкающая американской вежливой улыбкой, уверенная в себе и в своем благополучии, казались существами с разных планет.

— Получилось так, — рассказала Ольга, — что я осталась одна с двумя мальчишками-погодками. Я ведь вышла замуж за Гиви Киладзе. Помнишь его?

Гиви Киладзе учился с ними на журфаке и был беззаветно влюблен в Ольгу с первого по пятый курс. Московский грузин во втором поколении, он вспоминал родной язык только тогда, когда хотел кого-нибудь зарезать. А зарезать он хотел, как правило, либо Ольгу, либо того, кто смел подойти к ней ближе, чем на три метра.

— Понимаешь, страсть-то кончилась быстро. Начался тухлый, полуголодный быт. Гиви не мог устроиться на работу, стал пить, притаскивал в дом толпы каких-то бродяг, после которых исчезали полотенца и чайные ложки. Всех надо было кормить, укладывать спать. У него душа широкая, а я — с пузом, с токсикозом... Когда Глебушка родился, он выписал свою двоюродную бабушку с гор, как бы помогать мне с ребенком. За бабушкой из горного села приехал дедушка, потом дядя, тетя. В конце концов я взяла Глеба и сбежала к родителям. Тут начался театр, вернее, драмкружок: «Себя убью, тебя убью!..» В общем, помирились. Я тогда твердо верила, что ребенку нужен отец, пусть даже сумасшедший, но родной.

Глеб у меня черноволосый, черноглазый, а младший, Гошенька, родился белокурый, глазки голубые... Этот идиот чего-то там подсчитал и стал вопить, мол, Гоша — не его сын. Знаешь, чем я занялась, чтобы не свихнуться? Стала учить японский язык! Вот и представь картинку: кормящая мамаша с младенцем у груди громко читает иероглифы, папаша бегает с выпученными глазами, с фамильным

кинжалом, кричит: «Зарежу!» — а Глеб двух с половиной лет сидит на горшке и говорит по-грузински: «Папа, не убивай маму, она хорошая!» — это его бабушки-дедушки с гор успели научить немного.

А в доме между тем ни копейки. Жили на то, что давали родители, много они дать не могли, от себя последнее отрывали. Да еще посылки приходили с гор, домашнее вино, инжир, орехи. В общем, я опять ушла к родителям, взяла детей — и ушла. Окончательно. Так Гиви заявился среди ночи, пьяный в дым. Хорошо, у нас тогда Митя ночевал, успел вмешаться. А то убил бы, глазом не моргнул. Ревновал ведь, придурок, даже к родному брату.

— Ты бы хоть позвонила, — вздохнула Лена, — что же ты исчезла совсем?

— А ты? — Ольга усмехнулась. — Ты чего исчезла?

— Да так как-то, — пожала плечами Лена, — у меня свой скелет в шкафу... А ты японский все-таки выучила?

— Выучила, еще как! Знаешь, я даже благодарна Гиви. Если бы он меня до иероглифов не довел, не была бы я сейчас менеджером российского филиала замечательной компании «Кокусай-Коеки». Я туда сначала пришла переводчиком, о компьютерах и всякой оргтехнике, которой они торгуют, ни малейшего представления не имела. Но надо было детей кормить, и маму с папой, и бабушку, и Митьку. Братик у меня — тот еще обалдуй — все песни свои сочиняет и поет под гитару и кроме этого ну ничего делать не желает, все ждет мировой славы. Но кушать и ему хочется.

И пришлось мне зарабатывать деньги. Оказалось, у меня неплохо получается. Я так втянулась, что довольно скоро стала зарабатывать очень много. С детьми сидели мама с бабушкой, а я карьеру делала. Скоро буду старшим менеджером, потом заместителем коммерческого директора, потом — суп с котом... Сейчас лечу на переговоры, американцев уламывать. Знаешь, все отлично, денег кучу зарабатываю, а иногда смотрю в зеркало — чужая какая-то тетка. Ты помнишь, какие я стихи писала? А курсовую мою по Кафке помнишь? Вот тогда я головой работала, а теперь... Нет, теперь, конечно, тоже головой, но бывает ощущение, что в черепушке у меня вместо мозгов сидит такой умный дурак-компьютер и выдает решения.

— Ладно тебе, Синицына, — засмеялась Лена. — Все у тебя отлично, и не вроде, а на самом деле. И Кафка, и стихи — все осталось, никуда не делось, просто юность прошла. Всему свое время.

— А у тебя вот не прошла юность, — заметила Ольга, вглядываясь в Ленины большие дымчато-серые глаза, в худенькое личико без всякой косметики, — ты, Полянская, какой была на первом курсе, такой и осталась.

— Ну уж! — покачала темно-русой головой Лена. — Я просто худая, поэтому кажусь моложе. К тому же при моей работе деловые костюмы и строгий макияж вовсе не обязательны. Я ведь так и занимаюсь журналистикой, могу себе позволить все те же джинсы и свитера. А тебя положение обязывает, ты у нас бизнес-леди.

После той встречи в самолете прошло шесть лет. Ольга успела стать заместителем коммерческого директора российского филиала фирмы «Кокусай-Коеки». Лена работала заведующей отделом литературы и искусства в совместном российско-американском журнале «Смарт», два года назад она вышла замуж и родила дочь Лизу. А Ольга Синицына замуж больше не вышла, первого опыта семейной жизни ей хватило по горло. Те крохи свободного времени, которые оставались от работы, она отдавала сыновьям и младшему брату.

В течение этих шести лет Лена и Ольга больше не терялись, перезванивались и встречались довольно часто. Каждая понимала: чем старше становишься — тем труднее заводить новых друзей. Надо дожить старыми. Обязательно должен быть человек, которому можно позвонить в любое время дня и ночи — и он будет рад твоему звонку, он помнит тебя юной, легкомысленной, незащищенной. Общаясь с ним, ты можешь опять себя такой почувствовать — хотя бы на несколько минут.

ГЛАВА 2

Тобольск, сентябрь 1981 года

Он любил вспоминать свое детство. Каждый раз он извлекал со дна памяти какой-нибудь особенно тяжелый, болезненный эпизод и начинал воспроизводить его мысленно во всех подробностях. Чем мучительней были подробности, тем больше он застревал на них.

Он рос тихим, послушным мальчиком. Мать следила за каждым его шагом, за каждым вздохом.

— Ты — внук легендарного красного командира, — повторяла она, — ты должен быть достоин своего великого деда.